

Глава I

Ученица портнихи За работой

Есть в восточных графствах Англии один городок, где проводились выездные сессии суда присяжных. Он примечателен еще и тем, что по каким-то непонятным причинам пользовался особым расположением со стороны представителей монархической династии Тюдоров и, как следствие, благодаря их благосклонности и покровительству, приобрел особую значимость, до сих пор вызывающую удивление современного путешественника.

Сто лет назад вид его поражал воображение своим живописным величием. На улицах плотной чередой стояли старинные дома — временные резиденции тех местных аристократов, которые отдавали предпочтение безмятежным развлечениям провинциальной жизни. Некий сумбур в застройке тем не менее производил впечатление определенной благородной изысканности, чем напоминал некоторые города Бельгии. Контуры остроконечных крыш и верениц высоких печных труб на фоне голубого неба придавали улицам старомодный колорит, тогда как чуть ниже глаз радовали причудливые балконы и балкончики, а также невероятное разнообразие окон всевозможных размеров и форм, появившихся в этих стенах задолго до введения налога на окна, в свое время столь рьяно поддерживавшегося мистером Питтом¹. Однако из-за всех этих надстроек и выступов внизу, на дорогах, лишенных тротуаров с бордюрами и кое-как вымощенных большими

¹ Уильям Питт Младший — премьер-министр Великобритании на рубеже XVIII-XIX веков, самый молодой за всю историю страны. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

неровными булыжниками, было довольно темно; здесь не было даже столбов для фонарей, которые могли бы освещать путь прохожим длинными зимними ночами. Никто не заботился о нуждах людей среднего достатка, не имеющих ни личных карет, ни паланкинов, на которых можно было бы добраться в гости к друзьям и которые слуги донесли бы до самого порога. Мастеровые и лавочники со своими женами, а также прочий небогатый люд днем и ночью ходили здесь, рискуя собственной жизнью в прямом смысле этого слова. Широкие неуклюжие экипажи, проезжая по узким улочкам, буквально заставляли их вжиматься в стены. При этом ступени парадных подъездов многочисленных негостеприимных особняков простирались до самой проезжей части; в итоге прохожие вынуждены были снова ступать под колеса, подвергая свою жизнь опасности, которой они избегали каких-то двадцать-тридцать шагов назад. По ночам единственным источником освещения были здесь масляные лампы, висевшие над парадными самых богатых горожан; ненадолго появившись в их неровном мерцающем свете, прохожие тут же вновь исчезали в темноте, где нередко их поджидали грабители, караулившие своих жертв.

Традиции давно ушедших дней — даже в мельчайших деталях жизни тогдашнего общества — позволяют более четко понять обстоятельства, которые формировали характер людей. Повседневная обыденность, в которой они рождались и в которую постепенно втягивались, даже не сознавая этого, заковывала их в цепи, и лишь у одного из сотни хватало сил с презрением разорвать эти оковы в тот час, когда человек созревал как личность и у него возникала внутренняя потребность действовать независимо, вопреки всем внешним условностям. Поэтому-то так важно понять, что представляли собой пути бытовой

рутины, определявшие образ жизни наших предков, пока те не поняли, как можно вырваться из них.

Живописная прелесть тех древних улиц до наших дней не сохранилась. Могушественные местные кланы — Эстли, Данстены и Вейверхэмы, — которые с наступлением светских сезонов перебирались в Лондон, продали свои резиденции в этом провинциальном городке уже пятьдесят лет тому назад или даже более. И разве можно было ожидать, что, после того как для Эстли, Данстенов и Вейверхэмов место это потеряло свою привлекательность, Домвилли, Бекстоны и Уайлды станут зимовать здесь в своих гораздо менее роскошных домах при неумолимо растущих расходах на их содержание? Вот так величественные старинные особняки в этом городе начали пустовать, а затем их постепенно по бросовым ценам скупили перекупщики, чтобы оборудовать в больших покинутых зданиях по несколько более мелких апартаментов, предназначенных под жилье для мастерового люда или даже (а теперь склонитесь пониже, чтобы это можно было шепнуть вам прямо на ухо — не дай бог нас услышит тень покойного Мармадюка, первого барона Вейверхэма) для сдачи в аренду под торговые лавки!

Однако даже это было не так уж плохо по сравнению со следующим нововведением, нанесшим сокрушительный удар по былому величию старины. Владельцы лавок решили, что на улице, считавшейся некогда фешенебельной, слишком темно, что тусклого света здесь не хватает, чтобы покупатели могли рассмотреть их товары. То же самое касалось доктора, которому скудное освещение мешало вырвать пациенту зуб, и адвоката, вынужденного зажигать в своей конторе свечи на час раньше по сравнению с временами, когда он жил в плебейском районе. Короче говоря, по

общему согласию горожан фасад всех домов по одной стороне улицы был снесен и перестроен в непритязательном и унылом стиле построек времен Георга III. Однако стены многих зданий были слишком прочными, чтобы их можно было так просто переделать, и было решено оставить их в покое. Поэтому посетитель какого-нибудь обычного с виду магазинчика, войдя внутрь, мог, например, с удивлением обнаружить, что он стоит у подножия величественной лестницы из резного дуба, на которую льется свет из витражного окна с изображением старинного фамильного герба.

Именно по такой лестнице — и под таким окном, через которое, окрашивая ступени разноцветьем красок, пробивался лунный свет, — одной январской ночью много лет тому назад устало поднималась Руфь Хилтон. Я говорю «ночью», хотя правильнее было бы сказать, что уже наступило утро: старинные колокола на церкви Святого Спасителя пробили два часа. Тем не менее в комнате, куда вошла Руфь, за шитьем сидело более десятка девушек: они продолжали усердно трудиться, не смея даже зевнуть или подать вид, что их клонит в сон. Они позволили себе лишь тихо вздохнуть, когда Руфь сообщила миссис Мейсон, который теперь час: она и выходила на улицу, чтобы узнать время. Но девушки хорошо знали, что, насколько бы они ни задержались на работе и как бы ни болели от усталости их молодые руки, рабочий день для них в любом случае начнется завтра в восемь.

Миссис Мейсон и сама трудилась наравне со всеми, но она была старше и крепче любой из девушек; к тому же вся прибыль от мастерской доставалась ей. Однако даже она понимала, что всем им необходим отдых.

— Итак, юные леди, — сказала она, — я разрешаю вам сделать перерыв на полчаса. Позвоните в колокольчик,

мисс Саттон. Марта принесет хлеб, сыр и пиво. Советую вам поесть стоя — разумеется, подальше от платьев, — а затем вымыть руки и быть готовыми продолжить работу к моему возвращению. Ровно через полчаса, — строгим тоном отчетливо повторила она и вышла из комнаты.

Было любопытно наблюдать за тем, как девушки воспользовались отсутствием хозяйки. Одна из них, полная и казавшаяся особенно уставшей, тут же уронила голову на сложенные руки и мгновенно уснула; ее не удалось разбудить, даже когда принесли их скудный ужин, однако она сама встрепенулась, испуганно оглядываясь по сторонам, как только вдалеке на гулкой лестнице послышались тихие шаги возвращающейся миссис Мейсон. Двое или трое жались к едва тлевшим углям простенького камина, лишенного каких-либо украшений и ради экономии места бесхитростно встроеного в тонкую перегородку, которой прошлый владелец разделил просторную гостиную этого особняка. Другие же были заняты тем, что поглощали свой хлеб с сыром, размеренно двигая челюстями с тупым и отсутствующим выражением на уставших лицах, и чем-то напоминали коров, монотонно жующих свою жвачку где-нибудь на пастбище.

Группка девушек собралась вокруг неоконченного балльного платья: одни с восхищением расправляли его складки, другие отходили назад и, разглядывая его со всех сторон, делали свои замечания с видом истинных знатоков. Некоторые старательно потягивались в самых разных позах, стараясь расправить затекшие мышцы, а две девушки настолько расслабились, что позволили себе зевать, откашливаться и чихать, давая волю всему тому, что сдерживалось в присутствии миссис Мейсон. Одна лишь Руфь стояла у большого старинного окна, прижимаясь к нему, как

певчая птичка жметя к прутьям своей клетки. Отодвинув штору, она смотрела в тихую ночь, залитую лунным светом. На улице было светло, почти как днем, потому что все вокруг было покрыто белым снегом, который начал бесшумно падать с небес еще с вечера. Само окно находилось в квадратной нише; старая рама, рассчитанная на несколько маленьких стекол, была заменена на новую, с одним большим стеклом, пропускавшим больше света. Прямо перед домом едва ощутимый ночной ветерок мягко раскачивал из стороны в сторону мохнатые ветви лиственницы. Бедное старое дерево! В прежние времена оно стояло на ухоженной лужайке и нежная зеленая травка ласкала основание его ствола. Теперь же лужайку разделили на дворы и отдали под убогие подсобные постройки, а сама лиственница была огорожена и обложена каменными плитами для мощения улиц. Пушистый снег, толстыми слоями лежавший на ее ветвях, время от времени бесшумно срывался вниз. Картину дополняли бывшие конюшни, перестроенные ныне в переулок из жалких домишек, вплотную подходивших к задней части старинных особняков. И на все это убожество, сменившее бывшее величие, во всем своем извечном великолепии бесстрастно взирали багровые небеса!

Прижавшись горячим лбом к холодному стеклу, Руфь устало щурилась, с тоской любуясь ночным зимним небом. Мучительно хотелось схватить шаль, набросить ее на себя и, выскочив на улицу, с головой окунуться в эту неземную красоту; когда-то она не задумываясь поддалась бы этому минутному порыву, однако сейчас глаза ее наполнились слезами от сладких воспоминаний о тех давно ушедших днях. Но в этот миг кто-то коснулся ее плеча, и она очнулась о грез, унесших ее в январские ночи прошлого года, такие похожие на эту, но тем не менее совершенно иные.

— Руфь, дорогая, — прошептала подошедшая к ней сзади девушка и тут же невольно зашлась в долгом приступе сильного кашля. — Пойдем со мной, тебе нужно немного поесть. Ты не представляешь, как это помогает одолеть сон.

— Мне сейчас больше помог бы глоток свежего воздуха, — тихо ответила Руфь.

— Но только не в такую ночь, — возразила та, зябко передернув плечами от одной мысли о холоде на улице.

— Ну почему же не в такую, Дженни? — удивилась Руфь. — О, у себя дома я в такую пору множество раз бегала по тропинке до самой мельницы, просто чтобы посмотреть, как блестят сосульки, висящие на огромном мельничном колесе. А выбравшись туда, я уже была не в силах вернуться в дом, к сидящей у огня маме... Даже к маме, — добавила она тихим унылым голосом, в котором слышалась бесконечная печаль. — Сама подумай, Дженни, — сказала она, пытаясь как-то приободриться, хотя в глазах ее по-прежнему стояли слезы, — и скажи честно: видела ли ты когда-нибудь, чтобы эти старые дома, мрачные, отвратительные и обветшалые, выглядели бы такими — как бы это точнее сказать? — почти прекрасными, какими они кажутся сейчас, под этим мягким, чистейшим, изысканным снежным покрывалом? И если это настолько украсило их, только представь себе, как должны смотреться в такую ночь деревья, трава, вьющиеся по стенам ветки плюща!

Но Дженни не могла разделить такое восхищение зимней ночью: для нее зима была тем промозглым и тяжелым временем года, когда ее кашель становился мучительнее, а боль в боку чувствовалась сильнее обычного. Однако, несмотря на это, она просто обняла Руфь, в душе радуясь за эту сироту-ученицу, еще не привыкшую к тяготам швейного ремесла, которая умудрялась находить

бесхитростное удовольствие в таких обыденных вещах, как вид морозной ночи за окном.

Так они и стояли, погруженные каждая в свои мысли, пока не послышались шаги идущей по коридору миссис Мейсон. На свои рабочие места девушки вернулись с новыми силами, хоть обе и остались без ужина.

Место, где в мастерской работала Руфь, было самым темным и холодным, однако оно ей очень нравилось; она инстинктивно выбрала его для себя из-за расположенной перед ней стены, сохранившей на себе следы бывшего великолепия старинной гостиной, которая, судя по оставшимся фрагментам потускневшей и выцветшей росписи, в свое время выглядела просто роскошно. Стена эта была разделена на панели цвета морской волны с белой и золотой каймой, где щедрой рукой большого мастера была изображена россыпь безумно красивых цветов, выглядевших столь реалистично, что казалось, будто чувствуешь их тонкий аромат, слышишь, как южный ветерок мягко шелестит лепестками алых роз, ветками лиловой и белой сирени, золотистыми гроздьями цветущего раkitника. Среди сочной зеленой листвы красовались величавые белые лилии — символ Пресвятой Девы Марии, розовые мальвы, анютины глазки, примулы — словом, все те очаровательные цветы, которые можно было бы встретить в старомодном деревенском саду, пусть и не в том порядке, в котором они перечислены здесь. В нижней части каждой панели была нарисована ветвь остролиста, чья жесткая прямота линий контрастировала с украшавшими ее завитками английского плюща, омелой и цветками морозника; по бокам свисали гирлянды весенних и осенних цветов. Венчали же композицию символы изобильного лета — ароматные мускусные розы и другие яркие цветы, распускающиеся в июне и июле.

Можно не сомневаться, что нарисовавшему все это художнику — будь то Моннуайе или кто-то другой из давно почивших мастеров прошлого — было бы приятно узнать, что его работа, хоть и поблекшая от времени, приносила облегчение сердцу юной девушки, поскольку все это напоминало ей сад ее родного дома, где, периодически расцветая и увядая, росли похожие цветы.

Миссис Мейсон очень хотелось, чтобы ее работницы особенно постарались сегодня ночью, потому что на следующий день должен был состояться ежегодный бал для членов городского охотничьего общества и их семей. Это было единственное празднество, сохранившееся в городе, после того как здесь перестали устраивать балы в честь заседаний выездного суда. Многие вечерние платья она обещала «все-непременно» доставить на дом своим клиенткам к следующему утру. Она не отказала никому и взялась выполнять все заказы, опасаясь, что в противном случае они могут достаться ее конкурентке — еще одной модистке, которая недавно обосновалась со своей мастерской на той же улице.

Решив пойти на небольшую уловку, дабы поднять дух явно утомленных работниц, миссис Мейсон слегка откашлялась, чтобы привлечь к себе внимание, и заявила:

— Я хочу сообщить вам, юные леди, что в этом году, как и на прежних подобных мероприятиях, меня попросили прислать на бал молодых помощниц с лентами для туфель, булавками и прочими мелочами, чтобы они были готовы в вестибюле зала подправить наряды дам в случае необходимости. И я пошлю туда четверых — самых прилежных. — Она сделала ударение на последних словах, однако не заметила ожидаемого эффекта: девушки настолько устали, что ни светская роскошь, ни тщеславие, ни какие-либо другие соблазны мира их уже не интересовали, за

исключением одного-единственного желания — побыстрее добраться до своих постелей.

Миссис Мейсон была весьма почтенной дамой и, как и многие другие почтенные дамы, имела свои слабости. Одной из них — вполне естественной при ее профессии — было пристрастное отношение к внешнему виду своих подчиненных. Поэтому она уже заранее выбрала четырех привлекательных девушек, достойных представлять ее заведение; свое решение она держала в секрете, и оно не мешало ей обещать эту награду самым усердным. Она даже не считала это жульничеством, относясь к тем людям, философия которых сводилась к тому, что все, что они делают, безоговорочно является правильным.

Наконец всеобщая крайняя усталость стала слишком очевидной, и девушкам было разрешено идти спать. Но даже это долгожданное распоряжение выполнялось вяло. Тяжело двигаясь, они медленно складывали свою работу, пока не убрали все, а затем стайкой отправились по широкой темной лестнице наверх.

— Ох, как мне выдержать еще целых пять лет таких жутких ночей! В этой душной комнате! В этой гнетущей тишине, где слышно даже шуршание иголки в наших пальцах — туда-сюда, туда-сюда! — горестно воскликнула Руфь, прямо в одежде бросаясь на свою постель.

— Ну что ты, Руфь. Ты сама знаешь, что так, как сегодня ночью, бывает не всегда. Частенько мы уходим спать уже в десять, а к замкнутому пространству этой комнаты ты скоро привыкнешь и перестанешь его замечать. Ты просто слишком устала сейчас, иначе не обращала бы внимания на шорох иголок, — я, например, этого вообще не слышу. Подожди-ка, я тебя расшнурую, — сказала Дженни.

— Что толку раздеваться? Через три часа нам вставать и снова идти на работу.

— Но если ты разденешься и уляжешься в кровать, то за эти три часа успеешь хорошенько отдохнуть. Ну же, дорогая, давай я помогу.

Противиться Дженни было невозможно. Уже перед самым отходом ко сну Руфь вдруг сказала:

— Ох, как же я сожалею, что стала резкой и раздражительной. По-моему, раньше я такой не была.

— Нет, конечно же нет. Большинство новых учениц поначалу раздражительны, но это проходит. Очень скоро все это их уже не волнует... Бедное дитя! Она уже спит, — тихо закончила Дженни.

Сама же она не могла ни спать, ни отдохнуть. Боль в боку сегодня мучила ее сильнее обычного. Она даже подумала, что следовало бы написать это в письме домой, но потом вспомнила о плате за ее обучение, которую с таким трудом удавалось собрать отцу, об их большой семье, о своих нуждавшихся в заботе младших братьях и сестрах. Поэтому она решила терпеть и верить в то, что с приходом тепла ее боль и кашель отступят. Она просто должна поберечься.

Но что происходит с Руфью? Та испуганно вскрикивала во сне, как будто сердце ее рвалось на части. При таком возбуждении толку от кратковременного отдыха не было никакого, и поэтому Дженни решила разбудить ее.

— Руфь! Руфь!

— Ах, Дженни! — воскликнула Руфь, усаживаясь на постели и убирая волосы с разгоряченного лба. — Мне приснилось, что ко мне, как и прежде, присела на кровать моя мама, чтобы посмотреть, хорошо ли мне спится. Но, когда я попыталась взять ее за руки, она оставила меня одну и ушла — не знаю куда. Как это странно.

— Это был всего лишь сон. Ведь перед этим ты рассказывала мне о ней, а вдобавок ты перевозбудилась от работы. Ложись спать, а я посижу рядом и разбужу, если замечу, что тебя что-то слишком беспокоит.

— Но от этого ты сама устанешь еще больше. Ох, милая, милая Дженни... — Руфь так и не договорила — ее опять сморил тяжелый сон.

Наступило утро, и хотя отдых девушек был коротким, все они чувствовали себя намного свежее.

— Мисс Саттон, мисс Дженнингс, мисс Бут и мисс Хилтон. Вам следует быть готовыми сопровождать меня в балльную залу к восьми часам.

На лицах кое-кого из девушек отразилось удивление, но большинство, заранее предвидя такой выбор и по опыту понимая негласные принципы, по которым он делался, восприняли это известие с тупым равнодушием, с каким приучило их воспринимать окружающую действительность новое мироощущение, обусловленное неестественным образом жизни, непрерывной сидячей работой и частыми ночными бдениями.

Но для Руфи все это было непонятно. Ведь во время работы она часто зевала, отвлекалась, любуясь красивыми рисунками на стене, забывалась, погружаясь в воспоминания о родном доме. Девушка была уверена, что за это заслуживает выговора, и в другое время она его, безусловно, получила бы. А тут, к своему удивлению, она вдруг оказалась в числе самых усердных!

Да, ей ужасно хотелось побывать в аристократической балльной зале — гордости всего графства, хотелось посмотреть на танцующие пары, послушать оркестр, хотелось внести какое-то разнообразие в ход унылой, монотонной жизни, которую она вела. Однако она не могла принять

привилегию, которая, по ее убеждению, досталась ей по ошибке и вопреки реальному положению вещей. Поэтому она порывисто встала, немало удивив своих подруг, и подошла к миссис Мейсон, заканчивавшей работу над платьем, которое должно было быть отправлено на дом клиентке еще два часа назад.

— Прошу прощения, миссис Мейсон, но, боюсь, я не отличалась особым усердием — скорее совсем наоборот. Я была очень утомлена, в голову мне помимо воли лезли разные мысли, а когда я думаю о чем-то постороннем, то не могу сосредоточиться на работе. — Она остановилась, посчитав, что в достаточной степени все объяснила. Однако миссис Мейсон, видимо, не поняла ее и даже не пожелала слушать дальнейших разъяснений.

— Что ж, дорогая моя, вам нужно учиться думать за работой тоже. А вот если не удастся делать это одновременно, тогда вы должны оставить мысли. Как вы сами знаете, ваш попечитель ожидает от вас больших успехов в освоении ремесла, и я уверена, что вы его не разочаруете.

Такой ответ Руфь не удовлетворил, и она осталась стоять на месте, хотя миссис Мейсон демонстративно вернулась к работе, давая понять, что не собирается продолжать этот разговор. Это было понятно всем — за исключением новенькой.

— Но ведь если я не была прилежной, значит, я не заслуживаю идти на бал. Мисс Вуд трудилась намного усерднее меня, как и многие другие девушки.

— Несносная девчонка! — едва слышно пробормотала себе под нос миссис Мейсон. — Она у меня договорится до того, что я и в самом деле оставляю ее дома. — Но, подняв глаза на строптивую ученицу, она в очередной раз была поражена внешностью Руфи. Прекрасная фигура,

неимоверной красоты лицо, на котором темные брови и ресницы идеально сочетались с золотисто-каштановыми волосами и гладкой, нежной кожей, — кто подойдет больше, чтобы представлять ее заведение в обществе? Нет, ленивая или работающая, но Руфь Хилтон просто обязана быть на городском балу сегодня вечером.

— Мисс Хилтон, — строго и с холодным достоинством заявила миссис Мейсон, — эти юные леди могут подтвердить, что я не привыкла к тому, чтобы принятые мною решения кем-то обсуждались. Если я сказала, значит, так оно и будет — у меня есть на то свои соображения. Поэтому будьте любезны сесть и к восьми часам быть готовой к выходу. И ни слова больше! — решительно закончила она, видя, что Руфь опять собирается возразить ей.

— Дженни, туда должна пойти ты, а не я, — тихо сказала она мисс Вуд, садясь рядом с ней.

— Тише, Руфь! Из-за своего кашля я не пошла бы туда, даже будь у меня такая возможность. А если бы такой шанс все-таки выпал, то я скорее передала бы это право тебе, чем кому-нибудь другому. Просто представь, что это мой тебе подарок, и сполна получи удовольствие от него, а потом, когда вернешься, расскажешь мне все-все, как там было.

— Хорошо. Тогда я приму это как твой подарок, а не как награду за прилежную работу, которой я определенно не заслужила. Спасибо тебе. Ты не представляешь, какое это для меня облегчение. Ночью, после того как я услышала об этой новости, я и вправду проработала усердно минут пять — так мне хотелось туда попасть. Но больше продержаться не смогла. Ох, дорогая Дженни, неужели я и на самом деле услышу настоящих музыкантов? Неужели смогу заглянуть в залу и увидеть этот роскошный бал?